

№ АНТРАКТЪ. 25.

Антрактъ выходитъ еженедѣльно, по воскресеньямъ. Цѣна годовому изданію (50 №№), съ доставкою на домъ, въ Москвѣ — 2 руб. сер.; полугодовому — 1 руб. 50 коп. сер.; на три мѣсяца — 1 руб. сер. Для подписчиковъ же на театральныя афиши цѣна годовому изданію — 1 руб. сер. Подписка отъ иногородныхъ принимается только годовая и за пересылку въ другіе города прилагивается 1 руб. 50 коп. сер. въ годъ (всего 3 руб. 50 коп. сер.). Срокъ подписки считается съ 1-го числа каждаго мѣсяца. Подписка принимается ежедневно отъ 9 часовъ утра до 5 часовъ вечера въ конторѣ типографіи ИМПЕРАТОРСКИХЪ Московскихъ театровъ (Ив. Ив. Смирнова), на Никольской улицѣ, въ домѣ графа Орлова-Давыдова, а во время спектаклей и въ винной лавкѣ, въ Большомъ театрѣ.

Содержаніе: Московскій театръ.—Замѣтка.—Петербургскій театръ.—Афиши у древнихъ.—Письмо къ редактору.—Смѣсь. (Приказъ московскаго оберъ-полицеймейстера. Неудавшееся покушеніе. Примѣръ Ристори).

МОСКОВСКІЙ ТЕАТРЪ.

Третья роль г-жи Линовской.

Въ прошлый четвергъ г-жа Линовская имѣла третій дебютъ на нашей сценѣ; для него она выбрала роль Авдотьи Максимовны въ пьесѣ *Не въ свои сани не садись* и взялась не за свое дѣло. Эта роль существенно состоитъ изъ двухъ элементовъ: слезливости и сентиментальности. Плачетъ Авдотья Максимовна почти постоянно, во всей пьесѣ, кромѣ перваго дѣйствія, въ которомъ она является на нѣсколько словъ; во всѣхъ остальныхъ дѣйствіяхъ и сценахъ она, при малѣйшемъ поводѣ, ударяется въ слезы и безъ нихъ произноситъ рѣдкое слово. У актрисы, исполняющей эту роль, слезоточивыя же лѣзки должны быть способны источать слезы и, стало быть, раздражаться во всякое время. Условіе это, если угодно, довольно странно; но что же дѣлать, если есть роли, въ которыхъ именно нельзя обойтись безъ настоящей слезы, во время навертывающейся на глазахъ. У г-жи Линовской этой способности плакать на сценѣ настоящими слезами нѣтъ и потому она прибѣгала къ обыкновенному въ подобныхъ случаяхъ, слишкомъ искусственному и вовсе не искусному приему закрывать все лицо платкомъ и хныкать. И то и другое всегда во вредъ дѣлу. Закрывать лица употребляется обыкновенно для того, чтобы скрыть отъ зрителя совершенное отсутствіе настоящихъ слезъ на глазахъ; но скрыть этого невозможно, потому что слезы не столько видятся зрителемъ на глазахъ актера (влажность глазъ очень легко можетъ ускользнуть отъ вниманія зрителя, нѣсколько близорукаго или невооруженнаго зрительной трубкой), сколько слышатся въ самомъ голосѣ плачущаго; стало быть, скрыть ихъ отсутствіе невозможно, и въ этомъ случаѣ актера съ закрытыми глазами всегда выдаетъ голосъ. А между тѣмъ вредная сторона закрыванья лица платкомъ заключается въ томъ, что этимъ актеръ самъ отнимаетъ у себя лучшее средство быть выразительнымъ и сильно дѣйствовать на зрителя: лицо—первое и могущественнѣйшее орудіе актера; безъ лица нѣтъ актера, и хорошій актеръ всегда долженъ помнить это; хорошій актеръ прежде всего будетъ заботиться о томъ, чтобы не только обратить на свое лицо

вниманіе зрителя, но чтобы приковать къ своему лицу его вниманіе, чтобы заставить зрителя не спускать глазъ съ этого лица. Что же касается до хныканья, то хотя это средство въ иныхъ случаяхъ и можетъ оказаться болѣе или менѣе дѣйствительнымъ, хотя оно и можетъ иногда, что называется, выручить актера, но вѣдь только *иногда* и въ *иныхъ случаяхъ*. Хныканье, безпрестанно повторяющееся въ теченіе двухъ большихъ дѣйствій, не только перестаетъ быть средствомъ дѣйствительнымъ, но становится просто несноснымъ, какимъ было и въ исполненіи г-жи Линовской. — Сентиментальностью въ роли Авдотьи Максимовны мы назвали то пошленькое, сладенькое, или, вѣрнѣе, разслащенное, разсыропленное не столько чувство, сколько чувствованье, которое кипитъ и безъ огня дымить въ неглубокой, какъ ладонь, душѣ этой купеческой дочки. Проявленіе этого чувствованьяца имѣеть, по отношенію къ роли Авдотьи Максимовны, двѣ разновидности: въ первомъ дѣйствіи и въ началѣ первой картины третьяго дѣйствія чувствованьеца (тяготѣніе къ Вихореву) прикрито у нея напускной стыдливостью, во всѣхъ остальныхъ сценахъ пьесы оно не прикрито ничѣмъ (тяготѣніе къ отцу и къ Бородину). У г-жи Линовской первый видъ проявленія сентиментальности Авдотьи Максимовны выразился изысканностью, приторною щеголеватостью, вычурностью движеній, жестовъ и словъ, жеманствомъ, слѣдующимъ даже изъ рѣчи ея силошной противуестественный лепетъ; во всѣхъ же остальныхъ мѣстахъ своей роли она прибѣгала, для выраженія внутренняго состоянія, душевнаго настроенія исполняемаго ею лица, къ приемамъ самымъ рутиннымъ: вскидывала и ломала руки, отчаянно качала головой, бросалась то на грудь, то къ ногамъ г. Садовскаго и, во всѣхъ этихъ случаяхъ метанья, укрывала отъ зрителей лицо свое, выкрикивала болѣе сильныя мѣста роли, при чемъ безпрестанно слышались неприятныя, сильные ноты, которыхъ такъ не мало въ голосѣ артистки; наконецъ она не задумалась даже употребить въ дѣло и растрепыванье волосъ, что, признаемся, особенно неприятно поразило насъ и отъ чего слишкомъ ужъ повѣяло стариной и плѣсенью. Совершенно не следила она съ передачею двухъ, болѣе сильныхъ моментовъ роли, когда Дуня выслушиваетъ наглыя укоризны отъ Вихорева и когда является